

ОТЗЫВ

**кандидата политических наук, старшего научного сотрудника
Трахтенберг Анны Давидовны на автореферат диссертации Строганова
Вадима Борисовича «Технологии политической манипуляции в
интернете», представленной на соискание ученой степени кандидата
политических наук, по специальности 23.00.02 - «Политические
институты, процессы и технологии»**

Диссертационное исследование В.Б. Строганова посвящено актуальной теме трансформации технологий политической коммуникации, и конкретно - технологий политической манипуляции в условиях информационной революции и формирования массовых социальных медиа.

Автор опирается преимущественно на работы отечественных исследователей, а также на работы ряда классиков зарубежной коммуникативистики, в том числе на теорию позитивной манипуляции А. Зиаваевича. Методологической основой его работы послужила концепция ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари, разработанная в 70-е годы задолго до появления Интернета.

Автором дан достаточно содержательный анализ степени разработанности анализируемой проблемы и сделан концептуальный вывод об ограниченности оценочного (этического) подхода к анализу новых форм политической манипуляции. Соответственно, целью своего исследования автор поставил раскрытие содержания и специфики технологий политической манипуляции в интернете. Специфика данных технологий раскрывается через противопоставление «векторной» (однонаправленной) политической манипуляции, типичной для средств массовой информации, и ризоморфной политической манипуляции, характерной для социальных сетей, в рамках которой «пользователь может выступать одновременно как потребитель, создатель и распространитель политического контент» (стр. 13). Важное значение имеет вывод о том, что в этих условиях «пользователи не отдают себе отчета в том, что они являются участниками манипулятивного процесса» (стр. 22).

Автор вводит в научный оборот новое понятие «ризоморфизация» - процесс преобразования линейной формы коммуникации в сетевую, рассредоточенную и хаотичную. Научной новизной отличается и введенное автором понятие «когерентной манипуляции», которая является гибридом векторной и ризоморфной коммуникации.

Автор не просто формулирует теоретические положения, но стремится подтвердить их эмпирически, путем проведения исследования использования политических Интернет-мемов в ходе выборов Президента РФ 2018 года.

К сожалению, наряду с достоинствами в представленном автореферате имеются существенные недостатки.

1. Автор явно склонен преувеличивать «ризомность» социальных сетей. Тезис о том, что в сетевых сообществах осуществляется горизонтальная хаотичная коммуникация и отсутствует какая-либо иерархия,

противоречит эмпирическому опыту любого члена такого сообщества. Хотя в основе сетевых сообществ лежат слабые социальные взаимодействия, иерархия там достаточно быстро выстраивается: пользователи обладают разным уровнем авторитета и разным запасом символического капитала.

Соответственно, мемы распространяются не хаотически, а в соответствии со сложившейся иерархической схемой. Утверждение о том, что манипуляции ориентированы на максимально широкий охват аудитории, также является упрощением, не учитывающим существования «информационных пузырей», объединяющих пользователей со сходными политическими взглядами. Циркуляция интернет-мемов внутри информационного пузыря представляет собой процесс взаимного подтверждения правильности уже сформированных позиций и не рассчитано на восприятие тех, кто не входит в сообщество. Такого рода контент, как правильно указывает автор, распространяется спонтанно и импульсивно, но при этом никак нельзя согласиться, что это происходит без учета характера целевой аудитории.

2. Определение ризоморфной политической манипуляции как «неосознаваемого личностью способа ее ориентации в политической среде посредством усвоения, создания и распространения политического контента в медиасфере, результатом которого является формирование у нее политической установки» (стр.12), также вызывает некоторые сомнения. Что именно хочет сказать диссертант: а) личность (пользователь) сначала распространяет политический контент, а затем на этой основе у нее формируется политическая установка; б) или же в результате действий пользователей политическая установка формируется «у нее», то есть у медиасферы? В любом случае, в автореферате автор никак не проясняет вопрос о том, почему личность, не обладающая политическими установками, занимается распространением политического контента. На наш взгляд, и в данном случае он склонен переоценивать спонтанность поведения пользователя социальных сетей и хаотичность самой структуры сетей.

3. При анализе видов ризоморфных технологий политической манипуляции нарушено основание деления. К данным технологиям, по мнению автора, относятся: 1) технология «Sockpuppet»; 2) окно Овертона; 3) языковое манипулирование; 4) twitter-революция; 5) технология «общего вагона» или технология Гранфаллуна; 6) технология фактоидов (стр. 20 – 21). Нетрудно заметить, что «twitter-революция» определяет специфику манипуляции через конкретный технический носитель (при этом автор не учитывает многочисленных критических работ, вскрывающих несостоятельность данного термина). Такие технологии, как «окно Овертона», языковое манипулирование или технология Гранфаллуна могут использоваться при любом типе манипуляции, включая векторную и вообще не связаны с техническим носителем (языковое манипулирование вполне успешно применяли древнегреческие софисты). Только технология

«Sockpuppet» или создания виртуальной личности может считаться характерной именно для коммуникации посредством новых информационных технологий (виртуальная личность может присутствовать в Твиттере, Инстаграмме, Фейсбуке, ВКонтакте и прочих социальных медиа).

4. Мы полностью согласны с выводом, к которому пришел автор по результатам проведенного им эмпирического исследования, а именно с тем, что при изучении ризоморфной политической манипуляции количественными методами, ее особенности высвечиваются недостаточно ярко (стр. 22). Однако этот вывод верен только относительно традиционной количественной социологии, в то время как наработанные digital humanities методы работы с big data позволяют достаточно эффективно исследовать конфигурацию и динамику коммуникативных сетей в Интернете, в том числе в ходе масштабных политических событий. К сожалению, работы специалистов по digital humanities, в которых обсуждаются методы машинного анализа коммуникативных сетей (А. Брэнс, Д. Бойд, Э. Борра, Т. Джиллispай, Н. Эллисон, Дж. Элмер, Р. Проктор, Б. Ридер, Л.Ш. Сакр, Э. Хелмонд и др.), оказались вне поля зрения автора.

5. Стиль автора нуждается в дополнительной редакции. Мы уже отметили смысловую неясность в одном из ключевых определений ризоморфной политической коммуникации. К сожалению, таких шероховатостей в автореферате много. Например, тезис о том, что целью работы является «эмпирическое исследование политических интернет-мемов как одного из инструментов РПМ, посвященных выборам Президента РФ в 2018 году» не вполне соответствует нормам литературного русского языка: инструменты не посвящаются, а используются.

Однако в целом, несмотря на указанные замечания, диссертационная работа Строганова Вадима Борисовича «Технологии политической манипуляции» соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ», а ее автор – Строганов Вадим Борисович заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
Отдела философии
ФГБУН «Институт философии
и права Уральского отделения РАН»

Трахтенберг А.Д.

Подпись Трахтенберга А.Д.
УДОСТОВЕРЯЮ
Зав. общим отделом
Т. Е. МОРОЗОВА